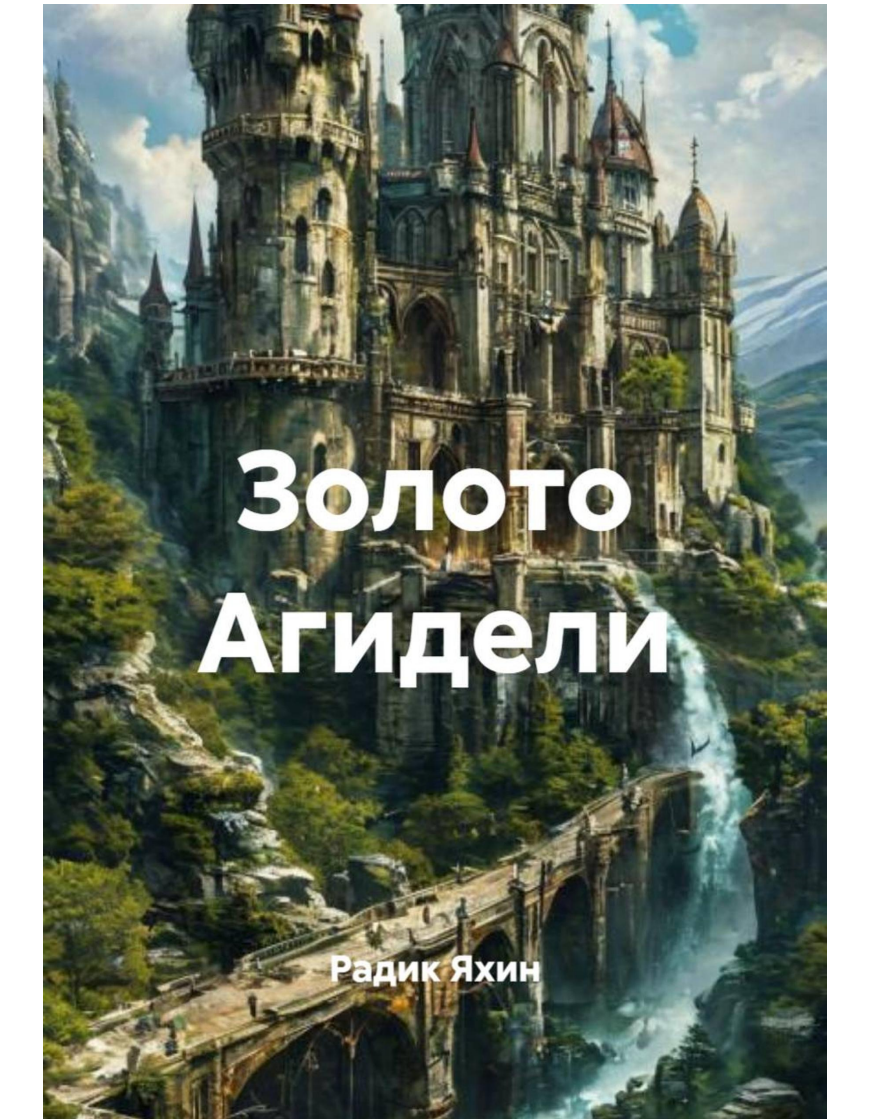

Золото Агидели

Радик Яхин

Радик Сайфетдинович Яхин

Золото Агидели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73423193

SelfPub; 2026

Аннотация

Девятнадцатилетний Азат, сирота из уфимского детдома, получает загадочное письмо с печатью в виде трезубца – и его жизнь навсегда меняется. Повинуясь шёпоту в медном колоколе и зову разбитой гитары, он отправляется в путь к Урал Тау – магической академии, висящей на цепях между облаков.

В стенах Урал Тау Азат попадает в дом Акбузата, посвящённый ветру и музыке, обретает друзей и наставников, учится магии звука – и постепенно узнаёт правду о себе. Он – не просто маг, а ключ, наследник древней силы Агидели, чья судьба переплетена с «золотом», что на самом деле не металл, а память мира.

«Золото Агидели» – это захватывающее фэнтези-приключение о силе музыки, памяти и выбора, где каждый звук может стать заклинанием, а каждая нота – шагом к судьбе. История о том, как один юноша, вооружённый лишь гитарой и верой, меняет мир – и сам меняется в ответ.

Радик Яхин

Золото Агидели

Чердак пах пылью и забытыми надеждами. Азат знал этот запах лучше, чем собственное отражение в мутном стекле. Ему было девятнадцать – переросток для детского дома, но недоросток для мира за его стенами. Закат над Уфой разливался грязновато-розовым сиропом, окрашивая серые крыши в сладкие, обманчивые тона. Он прижал лоб к холодному стеклу, пытаясь поймать хоть один цельный образ из прошлого. Село Кусимово. Река. Руки, подбрасывающие вверх – смех, залиvistый и тёплый, как парное молоко. Потом – резкий запах гари, крик, и... пустота. Обрывки, как клочки пожеванной бумаги. Он выдыхал, и на стекле проступало мутное пятно. Ещё год – и его выпрут отсюда на все четыре стороны. Куда? В ПТУ, где учат на сварщика? В общежитие завода? В голове звучала мелодия без названия – обрывок той самой колыбельной, что приходила по ночам. Он пытался её напеть, но получалось криво, фальшиво, будто струны в его горле были ржавыми и оборванными.

Стук в дверь был настолько неожиданным для этого часа, что Азат вздрогнул. На чердак после ужина никто не поднимался. Лестница скрипнула под чьими-то тяжёлыми шагами. В проёме возникла фигура почтальона дяди Ильдара – ста-

рого, с лицом, похожим на высохшую грушу.

– Тебе, – хрипло бросил он, протягивая жёлтый конверт нестандартного размера. Бумага была плотной, дорогой, на ощупь напоминала кожу. В углу – восковая печать: три острых пика, напоминавших горные вершины, а под ними – волнистая линия, река. Ни марки, ни индекса. Только чёткая, выведенная чёрными чернилами строка: «Азат Мустафин. Детский дом №4, г. Уфа». И ниже, более мелкими буквами: «Урал Тау. Доступ разрешён».

– От кого? – Азат сглотнул комок в горле.

Дядя Ильдар пожал плечами, и его лицо сморщилось ещё сильнее.

– Не знаю. Мужик какой-то отдал. Не местный. Говорит странно, будто слова пережёвывает. «Передай лично в руки, – сказал. – Он ждёт». – Почтальон повернулся к лестнице, затем обернулся. Его глаза, мутные от возраста, на миг стали острыми, внимательными. – Будь осторожен, мальчик. Письма из ниоткуда редко несут добро.

Азат остался один, сжимая конверт в пальцах. Сердце стучало где-то в горле. Он долго смотрел на печать, затем провёл подушечкой большого пальца по рельефу. Воск был тёплым, будто только что растопленным. Словно бы письмо... ждало его прикосновения.

Он не стал вскрывать конверт сразу. Как будто боялся, что содержимое изменит всё, и эта последняя, хрупкая ночь

привычной неустроенности станет ценностью. Прележав без сна до полуночи, Азат услышал первый удар. Глухой, медный, раздирающий тишину. Колокол на старой церкви за забором. Раз. Два. Три. Он никогда не звонил ночью. Четыре. Пять. Удары нарастали, становясь не просто звуком, а физическим давлением на барабанные перепонки. Шесть. Семь. Азат зажмурился. Восемь. Девять. В доме никто не просыпался, будто все погрузились в каменный сон. Десять. Одиннадцать. Воздух сгустился, наполнился запахом озона и старого камня. Двенадцать.

И – тринадцатый удар. Не колокола. Что-то внутри него самого. Чистый, высокий звук, как хрустальный звон. И в нём – шёпот. Не в ушах. В самой середине черепа, в костях.

«Ты не просто маг, – сказал голос, и в нём звучали тысячи других голосов, как эхо в глубоком ущелье. – Ты – ключ. Проснись. Они ищут тебя».

Азат рванулся с кровати, ударившись коленом о тумбочку. Боль была ясной, реальной. Шёпот стих. Но тишина, что наступила после, была уже другой. Она была настороженной, выжидающей. Полная луна светила в окно, и в её свете плясали миллионы пылинок, выстроившись в странные, вихреобразные узоры.

Он не помнил, зачем полез в старый шкаф на чердаке. Руки сами нашли рычажок потайной полки под горами желтых газет и сломанных игрушек. Ящик открылся со скри-

пом, выбросив облако пыли. Внутри лежала гитара. Вернее, её остатки. Корпус был из тёмного, почти чёрного дерева, с изящной резьбой в виде переплетающихся ветвей и птиц. Но поперёк него шла глубокая трещина, будто кто-то ударил со всей силы. Струны поржавели, гриф отходил от корпуса.

Азат осторожно взял её в руки. Дерево было неожиданно тёплым. Будто живым. Почти машинально он провёл большим пальцем по струнам. Они должны были издать жалкий, дребезжащий звук. Вместо этого родилась одна-единственная нота. Чистая, прозрачная, как первая капля воды после долгой засухи. Она заполнила всё пространство чердака, заставив пыль замереть на мгновение в воздухе. Звук вибрировал в пальцах, поднимаясь по руке к самому сердцу. На деке, вдоль трещины, пробежала слабая золотистая искра.

И тут Азат вспомнил. Не образ. Не лицо. Звук. Мелодию. Тот самый обрывок колыбельной. Он прижал гитару к груди, чувствуя, как по его щеке скатывается горячая, давно забытая слеза. Эта гитара была здесь. Она ждала. Всё это время.

Он не стал ничего собирать. В рюкзак бросил только гитару, обернутую в старое одеяло, жёлтый конверт, немного еды из холодильника и потрепанный томик стихов Мусы Джалиля – единственное, что связывало его с чем-то похожим на корни. На клочке бумаги, сорванном с тетради, вывел корявым почерком: «Я нашёл свой путь. Не ищите. Азат».

Оставил записку на кухонном столе под солонкой. По-

следний раз оглядел коридор с облупившейся краской, лестницу, по которой бегал пятнадцать лет. Никакой ностальгии не было. Была только тягучая, звенящая пустота внутри, которую теперь заполнял тот самый тихий звук гитары, затихший, но не исчезнувший.

Дверь на улицу открылась беззвучно. Ночь встретила его влажным, холодным дыханием. Он шагнул вперёд, не оглядываясь. Фонарь на столбе мигнул и погас, будто проводив его взглядом. Азат шёл по спящим улицам к вокзалу, и ему казалось, что трещина на гитаре под одеялом пульсирует в такт его шагам. Тёплым, едва уловимым светом. На вокзале он купил билет до самой дальней точки, до которой хватило денег. «Магнитогорск». Это было где-то у подножия Урала. Первый поезд уходил в пять утра. Азат сел на холодную скамейку в пустом зале ожидания, прижимая рюкзак с гитарой к себе, и впервые за много лет почувствовал не страх перед будущим, а странное, щемящее предвкушение. Он был ключом. Теперь ему предстояло найти свою дверь.

Вагон третьего класса пах старым деревом, пылью и безысходностью. Азат протиснулся к своему месту у окна, упирая рюкзак с гитарой между коленей. Люди вокруг него были сонными, серыми, погружёнными в свои невесёлые мысли. Поезд тронулся, и Уфа поплыла за окном, растворяясь в утреннем тумане.

Напротив него сидела девушка. Лет восемнадцати, не

больше. Тёмные волосы были заплетены в тугую косу, и в них, при определённом свете, поблёскивали серебристые нити, будто вплетённые звёзды. Но странным были её глаза. Широко открытые, цвета старого льда, они смотрели прямо перед собой, не мигая. Азат сначала не обратил внимания, занятый своими мыслями. Через час стало не по себе. Через два – жутко. Она не моргала. Совсем. Не шевелилась, не пила, не смотрела в телефон. Просто сидела, уставившись в пространство между ним и окном.

Он пытался отвести взгляд, но его снова и снова затягивало в эту ледяную бездну. Её лицо было красивым, но совершенно неживым, как у изваяния. Только грудь чуть заметно вздымалась под простой шерстяной кофтой.

– Э-э... вы тоже до Магнитогорска? – пробормотал он, пытаясь нарушить жутковатое молчание.

Девушка не ответила. Не повернула головы. Казалось, она его даже не слышала. Пассажиры вокруг погружённо дремали. Азат сжался в своей угол, чувствуя, как мурашки бегут по спине. Он положил руку на рюкзак, и сквозь ткань почувствовал лёгкую, успокаивающую вибрацию. Гитара отзывалась. На что?

К вечеру, когда солнце уже садилось, окрашивая вагон в багровые тона, девушка напротив вдруг пошевелилась. Медленно, как будто преодолевая сопротивление невидимого желе, она опустила руку в сумку у своих ног и вынула тол-

стую восковую свечу. Без слов, простым движением пальца, зажгла её. Пламя вспыхнуло не жёлтым, а холодным синеватым светом. Она поставила свечу на столик между ними.

– Не смотри в огонь, – сказала она впервые. Голос был низким, слегка хрипловатым, и в нём звучал такой же лёд, что и в глазах.

Но было поздно. Азат уже смотрел. Пламя колыхалось, и в его сердцевине заплясали тени. Они складывались в очертания гор, рек, лесов. Пепел, стекавший со свечи, не падал на стол, а выстраивался на его поверхности, образуя чёткие линии. Через несколько минут перед ним лежала карта, нарисованная пеплом. В центре – цепь острых пиков, похожих на печать с конверта. Надпись на незнакомом языке, но одно слово он узнал интуитивно: «Урал Тау». И от Уфы к этим горам вёл извилистый путь, отмеченный точками.

– Это... путь? – прошептал Азат.

Девушка кивнула, почти незаметно. Её глаза наконец-то оторвались от пустоты и встретились с его взглядом. В них не было ни дружелюбия, ни враждебности. Только оценка.

– Твой путь, Азат Мустафин. Если ты решишься его пройти.

– Кто вы? Откуда вы знаете...

– Я – Лейла, – перебила она. – И я наблюдаю. Двенадцать часов без моргания – это испытание для наблюдателя. Чтобы увидеть истинную природу человека, когда он думает, что его не видят. Ты ни разу не попытался меня тронуть, не стал

паниковать громко. Ты просто... слушал тишину. Это хорошо. Тебе понадобится умение слушать.

Она задула свечу. Пепельная карта на столе сохранила форму, не разлетаясь.

– Следующая остановка – не Магнитогорск. Выходи на «Каменном Мосту». Это будет ночью. Не проспи.

С этими словами она закрыла глаза и, кажется, мгновенно погрузилась в сон, но теперь это был обычный, человеческий сон. Азат сидел, глядя на карту из пепла, чувствуя, как реальность вокруг теряет привычные границы. Он не сомневался ни секунды. Он выйдет на «Каменном Мосту».

Поезд нырнул в тоннель. Длинный, старый, вырубленный в толще горы. Свет в вагоне погас, оставив только тусклые аварийные огоньки. И в этот момент Азат услышал. Сначала как далёкий гул, нарастающий со всех сторон. Потом как шёпот, превращающийся в пение. Хор голосов, древних, полифонических, пел на языке, которого не могло быть. В звуках слышались скрип вековых деревьев, рокот водопада, свист ветра в скалах. Это была музыка самой горы. Музыка, что просачивалась сквозь камень и сталь.

Он прижал ладонь к холодному окну. Гитара в рюкзаке отозвалась гудящим, сочувственным звуком, сливаясь с хором на долю секунды. Азат закрыл глаза, позволив этой песне омыть его. В ней была тоска, древняя и глубокая, но и сила, непоколебимая, как скала. Он понял, что этот тоннель

– не просто тоннель. Это граница. Порог между миром, который он знал, и миром, о котором только догадывался.

Когда поезд вырвался на открытое пространство, песня стихла, оставив после себя звенящую, святую тишину. Свет вернулся. Лейла спала. Никто в вагоне, казалось, ничего не слышал. Но Азат знал. Он слышал. И этого уже было достаточно, чтобы всё изменить.

В туалете вагона, умываясь ледяной водой, он взглянул в потёртое зеркало. И замер. Его отражение было... не совсем его. Черты те же, но выражение – взрослее, твёрже. А глаза... в них горел отблеск того самого синего пламени. Но страшнее было другое. За его собственным отражением, в глубине зеркала, стояла другая фигура. Высокая, в развевающейся чёрной мантии, с лицом, скрытым капюшоном. В руке фигура держала посох, увенчанный золотым навершием в виде тех же трёх пиков. Азат резко обернулся. За ним была только дверь. Он снова посмотрел в зеркало. Фигура стояла на месте. И медленно, очень медленно, капюшон повернулся к нему. Там, где должно было быть лицо, была только тьма, усыпанная мельчайшими золотыми искрами, как звёзды в безлунную ночь.

«Азат-Ай, – прошептал ветер в вытяжной вентиляции, но это был не ветер. Это был голос из зеркала. Низкий, как грохот обвала. – Свободный Свет. Ты опаздываешь».

Зеркало треснуло. Трещина прошла ровно по линии, раз-

деляющей его лицо пополам. Отражение исказилось и пропало. Азат отшатнулся, ударившись спиной о дверь. Сердце бешено колотилось. Он вытер лицо мокрыми руками и быстро вышел, не решаясь взглянуть в зеркало снова.

«Каменный Мост» оказался не станцией, а буквально каменным мостом через глубокое, тёмное ущелье. Поезд остановился посреди него на две минуты «для технических нужд». Двери с шипением открылись. Лейла была уже на ногах, её сумка перекинута через плечо.

– Идём. Быстро.

Азат последовал за ней. Холодный горный воздух ударил в лицо, пахнувший хвоей и свободой. Они сошли на узкую служебную площадку, и поезд тут же тронулся, скрываясь в ночи, оставив их в полной, оглушительной тишине. Только свист ветра в ущелье да далёкий шум реки где-то внизу.

– Куда теперь? – спросил Азат, ежась от холода.

Лейла не ответила. Она подошла к краю площадки, к самому обрыву, и протянула руку. И тогда Азат увидел. В воздухе, над пропастью, дрожала, мерцая, словно сотканная из лунного света и тумана, конструкция. Мост. Но не из камня или дерева. Из чистого, уплотнённого сияния. Он уходил в туманную мглу, нависавшую над ущельем, и терялся в ней.

– Мост не для всех, – сказала Лейла. – Он принимает только тех, в ком есть Искра. Сделай шаг. Если это твой путь, мост выдержит. Если нет... – Она не стала договаривать.

Азат посмотрел на шаткое сияние, на тёмную бездну под ним. Он вспомнил зеркало. Голос. «Ты опаздываешь». Вспомнил гитару, которая пела в тоннеле. Он снял рюкзак, прижал его к груди, чувствуя под пальцами тёплое дерево.

И сделал шаг в пустоту.

Свет под его ногой вспыхнул ярче, став почти твёрдым. Он не упал. Сделал второй шаг. Третий. Мост из света дрожал, как струна, но держал. Лейла последовала за ним, и её шаги были беззвучными, будто она была частью этого сияния.

Они шли в туман. С каждым шагом привычный мир отдалялся, растворялся, а новый, незнакомый, ещё не проявленный, ждал впереди. Азат не оглядывался. Он шёл на свет, который теперь был не только перед ним, но и внутри – тихий, настойчивый звон, зовущий домой. В место, которого он никогда не знал. В Урал Тау.

Мост из света привёл их к скальной стене, испещрённой древними письменами, которые то появлялись, то исчезали, словно дышали. В центре стены зиял проём, затянутый мерцающей пеленой, похожей на жаровый воздух.

«Первое испытание – Огонь», – сказала Лейла, останавливаясь. Её голос звучал отстранённо, будто она цитировала инструкцию. – «Он проверит твоё намерение. Пламя сожжёт ложь, но оставит правду нетронутой. Если в тебе есть хоть капля самообмана – умрёшь».

Азат сглотнул. «Как понять... что во мне правда?»

«Не думай. Просто иди», – она отступила в сторону.

Пелена колыхнулась, и из проёма хлынул жар. Не просто тепло, а живое, поющее пламя. Оно переливалось всеми оттенками оранжевого и золотого, и в его потрескивании слышалась мелодия – дикая, примитивная, зовущая к разрушению и очищению одновременно.

Азат замер на пороге. Гитара в рюкзаке отозвалась тревожным гулом. «Не бойся», – прошептало что-то внутри. Не голос, а чувство. Он вспомнил лицо директора детдома, говорившее: «Из тебя ничего путного не выйдет». Вспомнил свои собственные ночные мысли о том, что он никому не нужен. Была ли это правда? Или ложь, которую он слишком долго носил в себе?

Он сделал шаг в пламя.

Жар обрушился на него, но не обжигал кожу. Он проник внутрь, выжигая всё тёмное, наносное. Перед глазами поплыли образы: он, крадущий булку из столовой; он, лгущий о своей семье; он, завидующий детям с родителями. Каждый образ вспыхивал и рассыпался пеплом. Боль была не физической, а душевной – стыд, вина, страх горели ярким, очищающим огнём.

И сквозь этот огонь проступило что-то иное. Маленький мальчик, поющий колыбельную плюшевому медведю. Юноша, делящийся последней шоколадкой с новичком в детдоме. Рука, невольно рисующая на пыльном стекле узоры, по-

хожие на ноты. Эти воспоминания пламя не тронуло. Оно лишь отполировало их, сделало ярче.

Пламя стихло. Азат стоял в круглом каменном зале, дрожа всем телом, но чувствуя невероятную лёгкость, будто сбросил тяжёлый, мокрый плащ. Его одежда была цела, на коже не было ни единого ожога.

«Ты прошёл», – голос Лейлы донёсся откуда-то сверху. Она наблюдала за ним с каменного балкона. – «Твоя правда – в желании принадлежать. Не владеть, а именно принадлежать. Это слабость, которая может стать силой. Иди дальше».

Следующий проём вёл в пещеру, полную абсолютно чёрной, зеркальной воды. Она не колыхалась, не отражала свод. Казалось, это был портал в другую, иную темноту. Посреди озера на единственном камне стояла чаша, высеченная из хрусталя.

«Зеркальное озеро, – раздался голос, но это был не голос Лейлы. Он исходил от самой воды, мягкий и безличный. – Ответь на вопрос. Кто ты для себя?»

Азат подошёл к самой кромке воды. «Я... Азат. Сирота. Никто».

Поверхность воды дрогнула, и в ней проступило его отражение. Но не такое, каким он видел себя сейчас. Маленький, испуганный, с синяком под глазом. «Лжец, – прошептала вода. – Это то, кем ты был. Кто ты для себя сейчас?»

Азат сжал кулаки. «Я... тот, кто получил письмо. Тот, кто слышит музыку в камнях. Кого зовут Ключом».

Вода снова изменилась. Теперь в ней отражался юноша в странных одеждах, с гитарой, из которой лился свет. Но образ был нечётким, расплывчатым, как мечта. «Это то, кем ты хочешь стать. Мой вопрос проще. Кто ты для себя в эту секунду?»

Раздражение подступило к горлу. Он ненавидел эти головоломки. «Я не знаю! Я запутан! Я иду, потому что мне некуда возвращаться! Потому что эта гитара – единственное, что кажется настоящим!»

Тишина. Затем вода заговорила снова, и в её голосе появились нотки... удовлетворения? «Хорошо. Ты – Тот, Кто Идёт. Чей путь рождён не из знания, а из необходимости. Это честно».

Вода у кромки отступила, обнажив узкую тропу из камней, ведущую к чаше. Азат переступил через неё, подошёл и заглянул внутрь. В чаше лежала не вода, а капля чистого света. Она пульсировала в такт его сердцебиению.

«Возьми её. Это твоё намерение, очищенное водой».

Он коснулся капли. Тепло разлилось по руке. Свет впитался в кожу ладони, оставив слабое серебристое пятно, похожее на родимое.

Третий проём вёл на открытую площадку на самом краю скалы. Здесь бушевал ветер. Не просто поток воздуха, а жи-

вое, мыслящее существо. Он выл, свистел, рвал на Азате одежду, пытаясь сбросить в пропасть.

«Вырази суть без голоса!» – проревел ветер словами, сложенными из пыли и хвои. – «Расскажи, зачем ты здесь, но не используй язык людей!»

Азат попытался крикнуть: «Я ищу свой дом!» – но ветер унёс слова, прежде чем они успели сложиться в звук. Он попробовал жестикулировать, но порыв едва не сбил его с ног. Паника начала подбираться к горлу. Как? Как?

И тогда он вспомнил. Гитару. Музыку, которая была больше слов. Он сбросил рюкзак, дрожащими руками извлёк инструмент. Ветер тут же набросился на него, пытаясь вырвать из рук. Азат прижал гитару к себе, обернулся спиной к стихии, прикрывая её телом.

Он не стал играть мелодию. У него не было ни сил, ни умения. Он просто ударил по открытым струнам. Раз. Два. Три. Глухой, нестройный аккорд, полный страха и упрямства. Звук был слабым, его тут же заглушал вой ветра. Но Азат не останавливался. Он бил по струнам снова и снова, вкладывая в этот хаотичный звук всё: одиночество детства, боль испытаний, смутную надежду, зов гор, тепло капли света в ладони.

Он играл свою суть. Нестройную, испуганную, но живую. Ветер начал меняться. Его вой стих, превратившись в свист, затем в шёпот. Он обвинил Азата, уже не рвя, а ошупывая, изучая. И наконец, сложился в одну фразу, тихую и яс-

ную: «Достаточно. Ты не говоришь. Ты звучишь. Войди».

Ветер утих, открыв проход в скале – узкую расщелину, из которой лился тёплый, золотистый свет.

За расщелиной его ждала Лейла и... существо. Оно было похоже на статую из тёмного камня, но глаза его горели внутренним огнём. Три длинных пальца, похожих на корни, были сложены на груди.

«Страж Врат, – представилась Лейла. – Он даст тебе имя для этого мира».

Страж склонил голову. Его глаза, два горящих угля, уставились на Азата. Он заговорил, но не ртом. Слова рождались прямо в голове, тяжёлые, как глыбы.

«Ты прошёл через очищение. Огонь показал твоё желание принадлежать. Вода – твоё незнание пути. Воздух – твою суть, выраженную в звуке. Ты не маг в привычном смысле. Ты – резонатор. Проводник. Тот, через кого мир обретает голос».

Страж протянул руку. Один корнеподобный палец коснулся лба Азата. Тот почувствовал прилив тепла.

«Отныне здесь тебя будут звать Азат-Ай. Свободный Свет. Свет, потому что ты носишь в себе искру Первого Звука, что разорвал тишину в начале времён. Свободный, потому что твоя судьба не вписана ни в одно пророчество. Ты – переменная. И это делает тебя одновременно опасным и ценным».

Имя отозвалось внутри него вибрацией, будто настройка струны. Азат-Ай. Оно было странным, но... подходящим. Более подходящим, чем просто «Азат».

Страж шагнул в сторону, и за его спиной открылся вид. Азат замер, забыв дышать.

Урал Тау.

Это был не город и не крепость. Это был собственный мир, висящий в небе. Гигантские острова из камня и зелени парили в воздухе, соединённые между собой мостами-радугами, висячими садами и канатами, по которым скользили странные транспортные капсулы. На самом большом острове высился замок фантастической архитектуры – башни, изогнутые, как рога, купола, похожие на перевёрнутые чаши, стены, покрытые живой, светящейся резьбой. Всё это висело в сердце горного амфитеатра, а над ним плыли облака, окрашенные в цвета, которых нет на земле – перламутровые, лавандовые, медные.

«Добро пожаловать в Академию Магии Звука Урал Тау, – сказала Лейла, и в её голосе впервые прозвучала слабая нота чего-то, похожего на гордость. – Твой дом. Насколько ты сможешь им стать».

Мост из чистого света протянулся от их скалы к главным вратам Академии. Азат-Ай ступил на него. Под ногами звенела тихая, чистая нота. Он шёл, не в силах оторвать глаз от чуда перед ним. Страх остался позади, в испытаниях. Теперь его заполнял трепет. И предчувствие. Его ждало не просто

обучение. Его ждало раскрытие.

Он вошёл в открытые врата, и они, издав глубокий, мелодичный гул, закрылись за его спиной. Пути назад больше не было.

Главный зал Академии был ещё более грандиозным внутри, чем снаружи. Своды терялись где-то в вышине, усеянные светящимися точками, имитирующими звёздное небо, но созвездия были незнакомыми. В центре зала на возвышении стояла фигура в длинных серебристых одеждах – женщина с лицом, которое невозможно было определить по возрасту. Её глаза, цвета тёмного мёда, обводили небольшую группу новичков, собравшихся внизу. Азат-Ай насчитал человек двадцать. Все они выглядели растерянными, восторженными или напуганными.

«Я – Ректор Айсылу, – её голос наполнил зал без малейшего усилия, мягкий и властный одновременно. – Вы прошли через Врата и получили имена. Теперь ваш дух должен обрести пристанище. Четыре Дома Академии примут вас, согласно вашей внутренней природе».

Она подняла руку, и из пола взметнулись четыре столпа света: бирюзовый, янтарный, изумрудный и серебристо-белый.

«Дом Янгау – сила земли, устойчивость, память. Дом Кыркты – ярость огня, страсть, трансформация. Дом Ак-Идели – глубина воды, интуиция, эмоции. И Дом Акбузата

– свобода ветра, музыка, непостоянство».

Айсылу взглянула на Азата-Ай. Её взгляд будто взвесил его. «Душа, пришедшая через звук, найдёт дом среди ветров. Азат-Ай – к Дому Акбузата».

Серебристый столп света шагнул вперёд и окружил его. На мгновение Азат почувствовал лёгкость, будто его тело стало невесомым. Звук флейты, нежный и насмешливый, пронёсся у него в ушах. Свет рассеялся, и он увидел, что стоит среди группы других новичков. Рядом с ним оказалась Лейла.

«Ты тоже?» – удивился он.

«Наблюдатели часто рождаются под знаком ветра», – коротко ответила она. На её груди теперь красовался небольшой серебряный значок – летящий крылатый конь.

К ним подошёл высокий юноша с виолончелью за спиной и улыбкой во всё лицо. «Приветствую, попутчики! Я – Рустам. Кажется, мы однодомцы. Вас уже ждут в башне».

Башня Дома Акбузата была самой высокой и ажурной. Её стены, казалось, состояли не из камня, а из застывшей музыки. Внутри постоянно гудел лёгкий ветерок, разносящий ароматы полевых трав и далёких стран.

Комната, которую Рустам указал Азату, была крошечной, но волшебной. В ней не было ни одной ровной поверхности – стены плавно перетекали в потолок, а вместо мебели из пола росли мягкие, тёплые пуфы, похожие на каменные грибы.

Но главное чудо были в воздухе. Десятки маленьких светящихся шариков – нот разных цветов и форм – медленно плавали под потолком, издавая едва слышное, успокаивающее жужжание.

«Они реагируют на твоё настроение, – пояснил Рустам, стоя в дверях. – Если ты зол – станут красными и будут жужжать громче. Если грустишь – синими и зазвучат минорно. Попробуй!»

Азат осторожно ступил в комнату. Ноты замерли, затем несколько зелёных и золотистых потянулись к нему, издавая тёплый, мажорный звук.

«Видишь? Они чувствуют твой трепет. Это хорошо. Спи сладко, новичок. Завтра начнётся самое интересное».

Рустам скрылся. Азат опустил рюкзак, вынул гитару. Трепещущая на деке слабо светилась в полумраке. Плавающие ноты тут же слетелись к инструменту, окружая его сияющим ореолом. Они пели тихую, нежную гармонию. Азат прилёг на пух, не в силах оторвать глаз от этого зрелища. Впервые за много лет он чувствовал себя не на чужой, а на особенной территории. Это было его место.

Стук в дверь был чётким, как барабанная дробь. Азат открыл. На пороге стояла Лейла с небольшим свёртком в руках.

«Я твой сосед. Комната напротив».

«Я думал, комнаты индивидуальные?»

«Обычно да. Но для тебя сделали исключение. Ты – переменная. За тобой нужно наблюдение». В её голосе не было угрозы, только констатация факта. Она протянула свёрток. «Дар Дома. Прими».

В свёртке оказался небольшой инструмент, похожий на двухструнную скрипку с длинной шеей – кобыз. Его корпус был выточен из тёмного дерева, а струны отливали серебром.

«Я не умею играть», – признался Азат.

«Это не для игры. Это для слушания. Положи его рядом с гитарой. Они будут общаться. А ты – учись слушать их диалог». Она повернулась уходить, затем остановилась. «И, Азат-Ай... Добро пожаловать домой».

После её ухода он положил кобыз рядом с гитарой. Сначала ничего не произошло. Затем гитара издала тихий, вопросительный гул. Кобыз ответил вибрацией своих струн. Звук был таким чистым, что в воздухе запахло свежестью, как перед дождём. За окном, в безоблачном небе, появилась маленькая пушистая тучка. Азат засмеялся тихо, счастливо. Магия была не в заклинаниях. Она была в звуке. И она была здесь.

На следующий день Рустам вызвался провести его в библиотеку. Она занимала целое крыло Академии и была не просто хранилищем книг, а живым существом. Книги не стояли на полках – они росли на них, как плоды на ветвях огромных древних деревьев, стволы которых были вмурова-

ны в стены. Одни книги шелестели страницами, другие тихо напевали себе под нос, третьи светились изнутри.

«Самое главное правило, – Рустам приложил палец к губам, – тишина. Вернее, не тишина, а отсутствие чужой речи. Книги здесь живые. Они общаются друг с другом. Если ты начнёшь читать вслух, ты ворвёшься в их диалог. И они... обидятся».

«А что будет, если они обидятся?»

«Они начнут кричать. Все сразу. Представь хор из тысячи голосов, выкрикивающих самые страшные тайны, которые они прочли в душах посетителей. Однажды один студент попробовал. Его нашли через три дня в кататоническом ступе. Он до сих пор шепчет отрывки из любовных писем древней королевы к её конюху».

Азат кивнул, впечатлённый. Он подошёл к одной из «ветвей». Книга с кожаным переплётом, испещрённым нотными знаками, слегка покачивалась. Он мысленно потянулся к ней. Книга дрогнула и сама соскользнула с полки в его руки. Она была тёплой и тяжёлой.

«Начни с «Основ резонансной магии», – посоветовал Рустам. – Она скучная, но добрая. Не закричит».

Азат открыл книгу. Буквы не лежали на странице – они парили над ней, складываясь в слова только тогда, когда его взгляд останавливался на строчке. И он слышал. Не голос, а именно звучание каждого слова. Книга не говорила с ним – она пела своё содержание тихой, мелодичной трелью. Он

прочёл первую фразу: «Магия начинается не с жеста, а с тишины между двумя звуками». И понял, что влюбляется. В это место. В эту странность. В эту музыку, ставшую жизнью.

Аудитория для первого урока представляла собой круглый амфитеатр без крыши, под открытым небом. Преподаватель, представившийся Профессором Каримом, был сухоньким старичком с роскошными седыми усами и глазами, похожими на два чёрных бусины. Он не носил мантии, только простой жилет с десятками карманов, из которых торчали камертоны, дудочки и другие странные инструменты.

«Встаньте, – скомандовал он, не повышая голоса. – Вытяните руки перед собой. Ладони раскрыты. И... слушайте тишину».

Азат повиновался. Сначала он слышал только шёпот ветра, щебет невидимых птиц, собственное дыхание. Потом, сквозь этот фон, начал проступать другой звук. Едва уловимый, низкий гул, исходящий от самой земли, от камней под ногами, от воздуха вокруг. Это был звук жизни этого места.

«Хорошо, – сказал Карим. – Теперь вы слышите фоновый резонанс. Это и есть сырьё для нашей работы. Маг звука не создаёт волну из ничего. Он находит уже существующую и... изменяет её гармонику».

Он достал из кармана обычный камертон, ударил по нему. Звук «ля» разнёсся по амфитеатру.

«Эта нота, в её чистом виде, – исцеляет. Посмотрите».

Профессор подозвал к себе Рустама, быстрым движением сделав небольшой порез на его пальце перочинным ножиком. Затем снова ударил по камертону и поднёс его к ранке. Звук стал гуще, насыщеннее. Кровь перестала течь, края пореза начали сближаться, и через минуту на пальце остался лишь розовый след.

В аудитории выдохнули от восторга.

«А теперь, – профессор достал другой камертон, чуть большего размера. – Та же нота «до», но поданная с определённой вибрацией...»

Он ударил. Звук был резким, неприятным. Профессор направил камертон на стоявший на столе стеклянный кубок. Стекло задрожало, завизжало и разлетелось на тысячи осколков с мелодичным, но зловещим звоном.

«Звук не бывает добрым или злым. Он бывает уместным или нет. Ваша задача – научиться слышать мир, а затем вести с ним диалог на его языке. Кто попробует?»

Азат посмотрел на свои руки. Он чувствовал тот самый фоновый гул в кончиках пальцев. Он не стал ждать. Поднял руку.

«Хорошо, Азат-Ай. Подойди. Возьми гитару».

Азат взял свой инструмент. Он был тяжёлым и тёплым.

«Не играй. Просто прикоснись к струне. Одной. И попробуй услышать её тишину. Потом наполни эту тишину намерением. Самым простым. Например, желанием, чтобы этот опавший лист, – профессор указал на сухой кленовый лист,

лежащий на полу, – поднялся».

Азат коснулся первой струны. Закрыв глаза. Оттолкнул мысли о том, что у него не получится. Он просто слушал. Сначала – гул своего страха. Потом – гул аудитории. Потом – тишину струны. И в этой тишине он представил лист. Не его движение, а сам звук этого движения. Шуршание, лёгкое, как шёпот.

Он не дёрнул струну. Он позволил намерению вибрировать в пальце, прижатом к металлу.

Струна зазвучала сама. Тихим, высоким, чистым звуком. Лист на полу дрогнул. Приподнялся на ребро. И, подхваченный внезапным завихрением воздуха (или звука?), взлетел, совершил один изящный виток и упал обратно к его ногам.

В аудитории воцарилась тишина. Потом раздались аплодисменты.

Профессор Карим прищурился, его бусинки-глаза сверкнули.

«Интересно. Очень интересно. Ты не играл. Ты позволил сыграть. Это редкость, новичок. Очень редкий дар. И очень опасный». Он кивнул. «Урок окончен. Азат-Ай, останься».

Когда все разошлись, профессор подошёл ближе.

«Твой инструмент. Он не простой, да?»

«Я нашёл его на чердаке».

«Он нашёл тебя. Трещина на деке... она от удара?»

«Я не знаю».

«Знаю я. Это шрам. От последнего удара, который нанёс

его предыдущий хозяин, пытаюсь заставить его молчать. Он сопротивлялся. И сломался. Но не смолк. Будь осторожен, Азат-Ай. Ты носишь в руках не просто гитару. Ты носишь раненое сердце. И сердца, как известно, любят мстить за причинённую боль».

С этими словами профессор развернулся и ушёл, оставив Азата наедине с тихим гулом его инструмента и страшной догадкой, которая только что родилась где-то в глубине.

Сон пришёл не как череда образов, а как звуковая волна. Азат погружался в него, и мир вокруг растворялся, превращаясь в чистую, полифоническую темноту. Из этой темноты родилась мелодия. Колыбельная. Та самая, обрывки которой преследовали его с детства, но теперь она звучала целиком.

Женский голос, тёплый и густой, как мёд, пел на башкирском языке слова, которые он не понимал, но чувствовал всем нутром. Голос обволакивал, укачивал, защищал. Сквозь музыку проступали образы: деревянный дом, печь, полыхающая оранжевым светом, тени на стене, пляшущие в такт песне. И руки. Нежные, сильные руки, качающие люльку. Его люльку.

Азат попытался увидеть лицо. Но вместо него в сновидении возникло сияние, мягкое, золотистое, как свет через лепестки подсолнуха. И чувство. Всепоглощающее чувство любви и... скорби. Глубокой, пронзительной скорби, вплетённой в самую сердцевину колыбельной.

Песня приблизилась к кульминации, и вдруг – резкий, диссонирующий аккорд. Звук треска, падения. Крик. Не крик ужаса, а крик-заклинание, одно-единственное слово, брошенное в ночь: «ЖИВИ!»

Азат проснулся с этим словом на губах. Его щёки были мокрыми от слёз. В комнате плавающие ноты светились тусклым синим светом, издавая тихое, сочувственное гудение. Гитара, стоявшая у изголовья, вибрировала едва заметно, словно её древесина ещё хранила эхо того крика.

Он сел, обхватив голову руками. Это была не просто память. Это была правда, вернувшаяся к нему через песню. Его мать пела ему. А потом что-то случилось. Что-то, из-за чего она крикнула «живи» и... исчезла. Он был уверен, что исчезла.

«Ты слышал её», – сказал голос в дверном проёме.

Азат вздрогнул. В дверях стояла Лейла, одетая в простую ночную рубашку, её лицо в лунном свете казалось высеченным из мрамора.

«Как ты...»

«Твоя нота боли разбудила половину этажа. Ноты в моей комнате завывали, как от ветра». Она вошла, села на соседний пуф. «Ты вспомнил. Это хорошо. И плохо».

«Кто она была?» – голос Азата сорвался на шёпот.

«Жрица. Последняя хранительница песни Агидели. Её звали Айгуль. Свободный цветок». Лейла смотрела не на него, а в пустоту. «Она спрятала тебя, отдав тебе свою силу

– ту самую колыбельную. Она вплела её в твою душу. А сама ушла, чтобы отвести погоню».

«Погоню? Кто гнался за ней?»

Лейла медленно перевела на него взгляд. «Те, кто хочет, чтобы золото Агидели молчало навеки. Или звучало только для них. Спи, Азат-Ай. Завтра тебе понадобятся силы. Сны – это не бегство. Это первое испытание на пути к правде».

Она ушла, оставив его наедине с гулом в ушах и новым именем в сердце. Айгуль. Мать.

На следующий день он отправился в библиотеку с одной целью. Он почти бежал по бесконечным коридорам, пока не нашёл Рустама, который что-то тихо напевал, поливая светящийся гриб, росший вместо цветка в кадке.

«Запрещённый раздел. Где он?»

Рустам вздрогнул, чуть не уронив лейку. «Эй, спокойно! Какой запрещённый раздел?»

«Тот, где хранят книги о... о том, что нельзя знать. О Золоте Агидели».

Лицо Рустама стало серьёзным. Он огляделся и отвёл Азата в сторону, за гигантский ствол книжного дерева.

«Слушай, новичок. Запрещённый раздел – это не шутки. Туда не пускают не только первокурсников. Туда не пускают почти никого. Книги там... они не просто кричат. Они могут сойти с полок и пойти за тобой. В прямом смысле».

«Мне всё равно. Я должен знать».

Рустам вздохнул. «Ладно. Я покажу, где вход. Но я не пойду с тобой. У меня аллергия на пожирающие разум трактаты». Он достал из кармана кусочек мела и нарисовал на полу схему. «Спускаешься в архив старых партитур. Там, где стена с гобеленом «Танец ветров». За гобеленом – дверь. Она запечатана воском и тишиной. Но если ты действительно Ключ... может, она тебя и пропустит».

Азат поблагодарил его и уже было собрался уходить, когда Рустам схватил его за рукав.

«И, Азат... если книга попытается заговорить с тобой голосом твоей матери – не верь. Это не она. Это библиотека. Она умеет принимать облик самых дорогих тебе воспоминаний, чтобы выудить твои секреты».

Спуск в архив был долгим. Воздух становился гуще, холоднее и тише. Тишина здесь была не отсутствием звука, а активной, давящей субстанцией. Светились только редкие кристаллы в стенах, отбрасывая длинные тени. Гобелен «Танец ветров» был огромным, потрёпанным временем. На нём были вытканы фигуры людей и духов, замерших в середине движения, а их одежды, развевающиеся на невидимом ветру, были сделаны из настоящих серебряных нитей.

Азат задержал дыхание и отодвинул гобелен. За ним была стена. Гладкая, каменная. Никакой двери. Разочарование ударило по нему. Но тут его ладонь, та самая, со светящимся пятном от капли воды, коснулась камня. Пятно вспыхнуло. Камень под пальцами стал прозрачным, как вода, и он уви-

дел за ним узкий проход и железную дверь, покрытую слоями чёрного воска, испещрённого рунами.

Он прошёл сквозь камень. Ощущение было странным – будто тело на миг превратилось в звук, просочившийся сквозь препятствие. Он оказался перед дверью. На воске отпечатана всё та же печать – три пика и река. Без раздумий он приложил к ней свою светящуюся ладонь.

Воск затрещал и поплыл, словно от тепла. Руны вспыхнули и погасли. Дверь со скрипом отворилась внутрь.

Запрещённый раздел был крошечным. Всего одна комната. И в ней не было полок. Посредине на каменном постаменте лежала одна-единственная книга. Толстый фолиант в переплёте из тёмной, почти чёрной кожи, стянутый железными застёжками. На обложке тиснённая золотом надпись на том же древнем языке, но он понял её: «Золото Агидели. Кодекс падших».

Он подошёл. Книга не шевелилась, не пела. Она просто была. Источник той самой гнетущей тишины. Азат протянул руку, чтобы коснуться застёжек.

«Не делай этого», – прозвучал голос у него за спиной.

Азат обернулся так резко, что едва не потерял равновесие. В проёме двери стоял старик. Очень старый. Его кожа напоминала пергамент, испещрённый миллионами морщин, а длинная седая борода спускалась до самого пола. Но больше всего поражали глаза. Они были огромными, серебристо-бе-

лыми, без зрачков, и светились мягким, лунным светом, заливая маленькую комнату призрачным сиянием.

«Я – Хранитель Тишины, – сказал старик. Голос его был сухим, как шелест опавших листьев, но полным невероятной власти. – Меня зовут Урал-батыр, но это имя уже давно забыло себя. Ты вошёл туда, куда нельзя».

«Меня пропустила дверь».

«Дверь пропускает не тех, кому можно, а тех, кому нужно. Или тех, кого ведёт к гибели жажда знаний». Старик медленно вошёл в комнату. Его взгляд упал на книгу. «Кодекс Падших. История о том, как величайший дар стал величайшим проклятием. Ты хочешь это прочесть?»

«Я хочу знать правду. О золоте. О моей матери».

«Правда, – старик усмехнулся, и его лицо стало похоже на высохшее русло реки. – Правда редко бывает целой. Она – как разбитое зеркало. Каждый осколок показывает свою часть истории, искажая общую картину. Эта книга – один такой осколок. Очень острый».

«Я всё равно хочу».

«Тогда слушай не ушами, а тем, что у тебя звенит внутри». Старик махнул рукой. Застёжки на книге сами расстегнулись с тихим щелчком. Обложка приоткрылась. Но страницы были пусты.

«Где... текст?»

«Текст там, где тишина становится невыносимой. Прикоснись к странице».

Азат колебался секунду, затем положил ладонь на желтоватый пергамент.

Боль. Не физическая. Волна отчаяния, гнева, предательства такой силы, что он закричал без звука. Образы пронеслись перед его внутренним взором.

Великолепный зал. Семь магов в серебряных мантиях стоят вокруг чаши, из которой льётся золотой свет. Они поют, и их голоса сливаются в одну могущественную ноту. Это золото – не металл. Это сгусток первозвука, сердце мира, источник всей магии. Агидель – дух этого сердца, женщина из света, наблюдает с улыбкой.

Потом. Другие лица. Жадность в глазах. Шёпот: «Почему она решает, кому давать силу? Почему мы должны слушать?»

Заговор. Обман. Маги нападают на Агидель, пытаясь запечатать её волю в золоте. Битва не силой, а звуком. Диссонанс против гармонии. Крик Агидель, от которого трескаются стены. Она проигрывает. Её заточают в самом сердце золота, превращая в вечный источник силы, лишённый воли.

И последний образ: одна из магов, женщина с лицом, похожим на его собственное, срывает со стены арфу – инструмент Агидели – и бежит, прижимая к груди свёрток. Младенца. Её глаза полны слёз и решимости.

Книга сама захлопнулась, отбросив его руку. Азат упал на колени, давясь сухими рыданиями. Теперь он знал. Золото Агидели – это тюрьма. А его мать... его мать была одной из

тех семи. Той, что предала своих, чтобы спасти инструмент и его, ребёнка, рождённого под знаком свободного звука.

Старик смотрел на него с бесконечной печалью в лунных глазах.

«Теперь ты знаешь осколок. Ты – сын предательницы. И наследник арфы. Они будут охотиться за тобой, Азат-Ай. Не только тени извне. Те, кто здесь, в Академии. Те, кто считает, что твоя мать обрекла мир на медленное угасание, забрав ключ к полной силе золота».

«Что мне делать?» – прошептал Азат.

«Для начала – жить. Учиться. Искать другие осколки правды. И помни: книга лжёт, говоря, что она «Кодекс Падших». Падшими были не те, кто запечатал Агидель. Падшими стали те, кто решил, что имеют право владеть музыкой мира. Иди. И никогда не возвращайся сюда без крайней нужды. Эта комната пожирает надежду».

Азат выскользнул из запретного раздела. Дверь закрылась за ним, и воск снова запечатал её. Он стоял, прислонившись к холодной стене архива, чувствуя, как его мир, только-только обретший почву, снова рушится в пропасть. Он был не просто сиротой. Он был сыном предательницы. И ключом к чему-то такому, что породило величайшее преступление в истории магии.

Он брёл по коридорам Академии без цели, пытаясь прийти в себя. В одном из переходов, где стены были украшены

портретами бывших ректоров и великих магов, его взгляд упал на одну картину. Она висела немного в стороне, в тени. На ней был изображён не человек, а сцена битвы. На фоне пылающих гор сражались две фигуры: одна в чёрной мантии, с посохом, извергающим волны тьмы, другая – в светлых одеждах, с гитарой в руках, из которой лился ослепительный свет.

Азат замер. Фигура со светом имела его черты. Точнее, черты того, кем он мог бы стать через несколько лет. Решительное лицо, горящие глаза, поза победителя. А его противник... тень под капюшоном. Та самая тень из зеркала в поезде.

Он подошёл ближе, чтобы разглядеть детали. И картина изменилась. Фигура в светлом повернула голову и посмотрела на него. Уголки её губ дрогнули в намёке на улыбку. А тень за спиной стала ближе, чёрнее, угрожающее.

Азат отшатнулся. Картина снова замерла в статичном изображении, но ощущение, что он только что заглянул в собственное будущее, не отпускало. Это было пророчество? Или предупреждение?

«Жутковатая штука, да?» – раздался голос. К нему подошёл Рустам, жующий яблоко. – «Эта картина появилась лет пятьдесят назад. Сама. Никто не знает, кто её написал. Она меняется в зависимости от того, кто на неё смотрит. Некоторые видят себя побеждающими, некоторые – проигрывающими. А некоторые, – он хитро прищурился, – видят своего

двойника. Что ты увидел, новичок?»

«Я... не уверен», – солгал Азат.

«Ну ладно, храни секреты. Идём лучше. Скоро «Урок тишины», а на него опаздывать нельзя. Профессор Нурзида терпеть не может шума, даже от опозданий».

Урок тишины проходил в полной, абсолютной тишине. Профессор Нурзида, худая женщина с лицом птицы, учила их не заглушать внешний шум, а слушать внутренний – ритм сердца, ток крови, шёпот мыслей. Азат с трудом сосредотачивался. Образы из Кодекса, лицо с картины – всё кружилось в голове.

После ужина, когда он вернулся в свою комнату, то сразу почувствовал неладное. Плавающие ноты висели неподвижно, светясь тусклым, тревожным фиолетовым светом. За окном было абсолютно чёрное небо. Ни луны, ни звёзд, ни даже привычного свечения облаков. Тьма была плотной, живой, словно её вылили из чаши.

Вдруг, со всех концов Академии, издалека и близко, раздался звук. Одна и та же нота – низкая, гудящая «си-бемоль». Она исходила отовсюду: из инструментов в классах, из поющих камней в стенах, даже из чашек в столовой. Все предметы, способные резонировать, издавали этот одинокий, тоскующий звук.

Ночь без звёзд. Всеобщий звук скорби.

Азат подбежал к окну. Внизу, во дворе, он увидел фигу-

ры в чёрных мантиях. Они двигались бесшумно, как тени, и шли к центральной башне. Их было семеро. Стражей? Или тех, кто пришёл за ним?

Гитара в углу комнаты издала тихий, предостерегающий звон. Лейла распахнула дверь своей комнаты. Её лицо было бледным.

«Не выходи, – сказала она. – Что бы ни случилось. Не выходи и не смотри на них. Это Ночной Хор. Они приходят, когда в Академии пробуждается древняя боль. Они пришли из-за тебя, Азат-Ай. Из-за того, что ты потревожил память книги».

«Что они будут делать?»

«Петь. Петь ту самую ноту, пока боль не уснёт снова. Или пока её источник... не будет устранён». Она посмотрела на него тяжёлым взглядом. «Твоё присутствие здесь – это землетрясение для нашего мира. И землетрясения редко проходят без жертв».

Она закрыла дверь. Азат остался один в комнате, под гул всеобщей ноты «си-бемоль», чувствуя, как тьма за окном сгущается, приближается, и в ней начинают проступать очертания чего-то огромного, древнего и бесконечно печального. Он был ключом. И, кажется, только что повернул его в первой скважине. И что-то на другом конце двери начало медленно, неумолимо просыпаться.

Утро после Ночи без звёзд было тревожным и тихим. Но-

та «си-бемоль» отзвучала, но в воздухе висело её эхо, давящее и грустное. Все ученики шли на занятия с потупленными взглядами, перешёптываясь. О Ночном Хоре не говорили вслух, но все его чувствовали.

Азата вызвали в кабинет ректора. Айсылу сидела за столом из светящегося дерева, её лицо было непроницаемым.

«Ты проник в Запретный раздел», – заявила она без предисловий.

Азат почувствовал, как холодеет кровь. Он кивнул, не видя смысла отрицать.

«Инициатива похвальна. Глупость – непростительна. Ты разбудил эхо, которое спало сто лет. Ночной Хор – лишь первые ласточки. Чтобы я могла тебя защитить, мне нужна твоя официальная родословная. Магическая кровь оставляет след. Мы проведем тест».

Она достала из ящика стола лист пергамента, странного желтовато-серебристого цвета, и тонкий серебряный стилет.

«Капля крови на центр листа. Не бойся, это не больно».

Азат протянул руку. Стилет блеснул, и на подушечке пальца выступила алая капля. Он уронил её на пергамент.

Кровь не растекалась. Она впиталась, и от неё во все стороны побежали тонкие, извилистые линии, словно корни или ветви. Они складывались в сложное древо, наполняясь цветом – золотым, серебряным, медным. Имена вспыхивали на пересечениях линий на древнем языке, но Азат инстинктивно понимал их: «Беркут-Сэсэн, певец ветров», «Жанбике,

вызывательница дождя», «Мурадым, укротитель эха».

Древо росло, поднимаясь к верхнему краю пергамента. И там, на самой вершине, появилось одно имя, написанное не золотом или серебром, а густой, чёрной, словно сажа, краской: «Айгуль, Последняя Жрица». От её имени шла ветвь вниз, к его собственному, светящемуся мягким белым светом – «Азат-Ай, Свободный Свет».

Айсылу внимательно смотрела на пергамент. Её лицо оставалось спокойным, но пальцы слегка сжали край стола.

«Всё как и предполагалось. Прямая наследница. Но есть одна ветвь...» Она указала на боковую линию, отходившую от имени одного из предков. Она была тонкой, прерывистой и заканчивалась не именем, а символом – перечёркнутым посохом. «Вот. Маг-предатель. Карангы-Сэсэн. Тот, кто триста лет назад попытался расколоть Золото Агидели, чтобы забрать силу себе. Его кровь течёт и в тебе, Азат-Ай. Кровь предательства и жажды власти».

Азат смотрел на чёрный символ. Он чувствовал пустоту в желудке. Не только мать-предательница. Весь его род был отмечен этим клеймом.

«Что это значит?»

«Это значит, что в тебе есть потенциал как для великого света, так и для великой тьмы. Те, кто боятся, будут видеть в тебе угрозу. Те, кто надеются – спасителя. Твоя задача – не стать ни тем, ни другим. Твоя задача – стать собой. А это сложнее всего». Она свернула пергамент. «Этот тест оста-

нется между нами. Но знай, совет магов уже в курсе твоего происхождения. Будь готов к последствиям».

После разговора с ректором Азат не пошёл на занятия. Он забрался на самую высокую смотровую площадку башни Акбузата, откуда открывался вид на весь парящий город и тёмное пятно в небе на месте исчезнувших звёзд. Он держал гитару на коленях, водил пальцами по трещине.

«Кто ты?» – прошептал он. – «Чьё сердце я ношу с собой?»

Гитара, как всегда, ответила тихой вибрацией. Но сегодня в ней был оттенок... печали. Азат закрыл глаза, попытался не думать, а слушать инструмент, как учил профессор Карим. Он оттолкнул собственные мысли, страхи, вопросы и сосредоточился на ощущениях в пальцах.

И услышал. Очень тихий, далёкий стук. Как сердцебиение. Оно исходило из глубины деки, из самой древесины. За ним – шёпот. Не слова, а чувства. Тоска по чьему-то прикосновению. Боль от удара. И... мелодия. Та самая колыбельная, но сыгранная не голосом, а перебором струн.

Древесина Янгау, – вспомнились слова профессора. Дерево-хранитель, дерево памяти. Его гитара была сделана из него. И она помнила. Помнила руки, которые её вырезали. Помнила музыку, которую на ней играли. Помнила боль последнего удара.

«Ты живая», – сказал Азат вслух. – «И ты ждала меня».

Гитара ответила тёплой волной, прошедшей сквозь ладони прямо в грудь. Это было «да». Самое ясное «да», которое он когда-либо слышал.

В этот момент он понял, что не один. Даже если весь мир увидит в нём предателя или угрозу, у него есть союзник. Древний, молчаливый, но преданный. Это знание придало ему сил. Он не просто носитель крови и судьбы. Он – хозяин голоса. И этот голос был у него в руках.

Вечером он постучал в дверь Лейлы. Она открыла не сразу.

«Можно?»

Она молча отступила, пропуская его внутрь. Её комната была аскетичной: ни плавающих нот, ни излишеств. Только кровать, стол, стул и на стене – тот самый кобыз, который она ему подарила. Он висел на светлой стене, и сейчас при свете кристалла Азат разглядел детали. Струны были не металлические. Они переливались, как шёлк, и были странно-го, мерцающего серо-серебристого цвета.

«Это не волосы», – сказал он, не как вопрос, а как утверждение.

Лейла взглянула на инструмент. «Нет. Это не волосы. Это струны, сплетённые из света лунных лучей, пойманных в ночь полнолуния над озером слёз».

«А профессор Карим сказал, что они из волос павшего духа».

«Профессор Карим любит драматизировать. Или... он знает другую версию». Она подошла к кобызу, осторожно сняла его со стены. «Дух действительно был. Дух озера. Он отдал прядь своей гривы – не волос, а субстанции из сгущённого света – тому, кто смог сыграть мелодию, от которой на озере расцвели ночные лилии. Этим человеком была моя прабабка. Она передала кобыз по наследству. Он не для битвы. Он для разговора с тем, что не имеет голоса. С ветром. С дождём. С тенями».

Она провела смычком по струнам. Звук был таким чистым и печальным, что у Азата защемило сердце. За окном, на абсолютно ясном небе, появились первые капли дождя.

«Видишь? Он не вызывает дождь. Он зовёт его. И дождь идёт на зов, потому что узнаёт голос старого друга». Она положила инструмент обратно. «Твоя гитара и мой кобыз... они из одного мира. Из времени, когда магия была не наукой, а дружбой. Теперь ты знаешь мой секрет. Я не просто наблюдатель. Я хранительница одной из последних нитей, связывающих нас с тем временем».

«Почему ты рассказала мне это?»

«Потому что ты сегодня выглядел так, будто тебе не за что ухватиться. А когда тонешь, даже тонкая нить может спасти. Держись за свою гитару, Азат-Ай. Она твоя нить. И, возможно, мост к чему-то большему».

Это был самый долгий разговор, который у них когда-либо был. И первый, в котором Лейла говорила не как страж

или наставник, а как человек. Почти как друг.

Профессор Нурзида на этот раз привела их в «Комнату абсолютного безмолвия». Это была сфера, плавающая в центре пустого зала, куда можно было попасть только по узкому мостику из звука, возникающему под ногами на шаг вперёд. Внутри сферы не было воздуха в привычном смысле. Дышать было можно, но звук не распространялся вообще. Собственный стук сердца, обычно такой явный в тишине, здесь был неслышим. Это был вакуум, высасывающий не только шум, но и саму возможность звука.

«Здесь вы научитесь слышать музыку тишины, – голос профессора звучал прямо в их головах, телепатически. – Это звук, который предшествует всем заклинаниям. Звук потенциала. Звук того, что может быть, но ещё не стало».

Азат сидел в позе лотоса, пытаясь сделать то, что от него требовали. Но вместо музыки тишины он слышал... гулок. Глухой, неумолчный гул, исходящий из его собственной груди. Из гитары, что стояла рядом. Из светящегося пятна на ладони. Он был полон звука, даже здесь, в его отсутствии.

«Профессор, – мысленно послал он. – Я не слышу тишины. Я слышу гул».

Нурзида открыла глаза. Её взгляд-шило уставился на него. «Опиши».

«Он... низкий. Постоянный. Как вибрация большой струны, которую дёрнули очень давно, и она до сих пор не затих-

ла».

Профессор замерла. Весь класс почувствовал волну её изумления, прошедшую по телепатической связи.

«Это... Первый Звук. Эхо творения. Ты слышишь фундамент мира, Азат-Ай». Её мысленный голос дрогнул. «Никто не слышал его живым уже тысячу лет. Только в древних записях. Ты либо величайший обманщик, либо...» Она не закончила. «Урок окончен. Все вон. Азат-Ай, останься».

Когда сфера опустела, она подошла к нему вплотную.

«То, что ты слышишь – это и есть Золото Агидели. Не металл, а сам перевозвук, запертый в сердце горы. Он гудит, как камертон, и его эхо проходит через всё сущее. Ты резонируешь с ним. Ты – живой проводник. И если ты научишься не просто слышать, но и настраивать этот гул... ты сможешь изменить саму реальность. Или разрушить её. Будь осторожен, мальчик. Ты носишь в себе не дар, а ответственность вселенского масштаба».

Она вышла, оставив его в абсолютной тишине, которая теперь была заполнена осознанием, тяжёлым, как свинец. Он был не ключом. Он был антенной. И где-то там, в глубине, гудел передатчик.

«Левитация – это не преодоление гравитации, а диалог с ветром», – объявил на следующем утре профессор Карим, стоя на краю «Площадки Облачных Танцев». Это была огромная, плоская платформа без ограждений, парящая

на уровне вершин самых высоких башен. Внизу пропасть в несколько сотен метров была затянута молочно-белой пеленой облаков.

«Ветер – существо капризное и гордое. Он не подчиняется приказам. Его нужно попросить. Или обмануть. Сегодня вы попробуете первое», – Карим достал свою дудочку и извлёк из неё лёгкую, игривую трель.

Под ногами учеников платформа слегка дрогнула, и слой облаков под ней начал кружиться, образуя воронку.

«Вы должны удержаться в воздухе, не касаясь платформы, пока играет музыка. Если падаете – облако вас поймает. Но это будет считаться провалом. Начали!»

Зазвучала музыка. Не просто мелодия, а сложная полифония, где каждый инструмент в оркестре невидимых музыкантов представлял отдельный поток ветра. Азат закрыл глаза, стараясь услышать не мелодию, а сам воздух вокруг. Он чувствовал его потоки – тёплые восходящие, холодные нисходящие, боковые шквалы. Он вспомнил урок тишины и тот самый гул. Может, ветер тоже его слышит?

Не думая, он сделал шаг вперёд – за край платформы.

Крик ужаса сорвался у нескольких однокурсников. Азат не упал. Он почувствовал, как потоки воздуха под ногами сгустились, уплотнились, словно узнали его. Он не стоял на воздухе. Он стоял на звуке. На том самом гуле, который теперь всегда сопровождал его. Ветер стал его продолжением, резонируя с внутренней вибрацией. Он сделал ещё шаг, за-

тем другой. Он шёл по невидимой лестнице из воздуха и звука, поднимаясь всё выше, навстречу солнцу.

Музыка профессора Карима на мгновение споткнулась от изумления, затем подхватила его шаг, подстроилась под него. Азат поднялся на высоту в десять метров, развернулся и медленно, как пушинка, спустился обратно на платформу, как раз в тот момент, когда мелодия затихла.

Абсолютная тишина. Все смотрели на него, раскрыв рты. «Импровизация... на тему «Симфонии ветров»... – наконец проговорил профессор Карим, его усы нервно подрагивали. – Без подготовки. Без заклинания. Чистый резонанс. Азат-Ай, ты либо гений, либо сумасшедший. В любом случае – «отлично». Остальные... продолжаем».

Конкурс домов был главным событием сезона. Каждый дом представлял «боевую мелодию» – симфонию, способную не только услаждать слух, но и менять реальность. Амфитеатр для выступлений был заполнен до отказа. Даже обычно скрытные члены Совета Магов заняли почётные места.

Дом Янгау вызвал из земли каменных великанов, что прошили по сцене, выстукивая сложный барабанный ритм. Дом Кыркты устроил фейерверк из огненных птиц, пикирующих в такт стремительной мелодии. Дом Ак-Идели создал водяной смерч, внутри которого танцевали русалки из света.

И вот настал черёд Дома Акбузата. Их было двадцать че-

ловек во главе с Рустамом на виолончели. Лейла стояла чуть в стороне с кобызом. Азату дали его гитару, но без особой партии – он был слишком новым.

Они начали. «Симфония Бури». Музыка взметнулась вихрем звуков. Ветер в амфитеатре завыл по-настоящему, зрители вжались в кресла. Над сценой сгустились тучи, заблестели молнии. Это было мощно, технично, грандиозно.

Но Азат чувствовал фальшь. Это была не буря. Это была её имитация. Красивая, но пустая. Его гитара в руках молчала, не желая присоединяться к этому шуму. И тут он вспомнил гул. Тот самый, Первый Звук. Он был здесь, под всеми этими нотами, как фундамент под ярким домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.